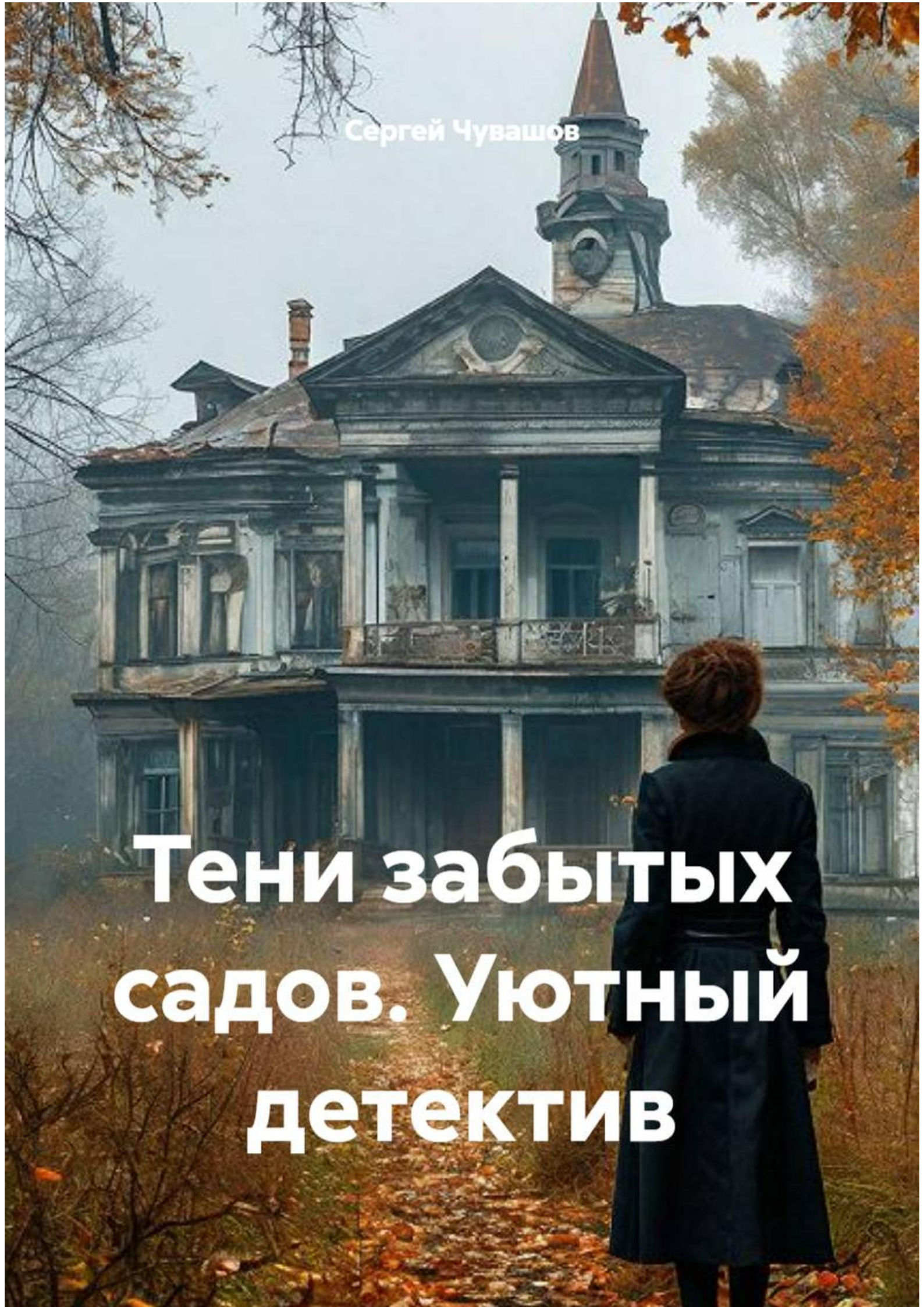

Сергей Чувашов

Тени забытых садов. Уютный детектив

Сергей Чувашов

**Тени забытых садов.
Уютный детектив**

«Автор»

2026

Чувашов С. Ю.

Тени забытых садов. Уютный детектив / С. Ю. Чувашов —
«Автор», 2026

Осенний туман скрывает тайны заброшенной усадьбы Тихорецкое, где загадочным образом умирает управляющий. Молодая следователь Елена Морозова приезжает расследовать преступление, но вместо привычных улик сталкивается с мистическим прошлым дома. В лабиринтах семейных секретов ей помогает архивариус Дмитрий Волков — спокойный, эрудированный и таинственный. Вместе они раскрывают древний цикл, повторяющийся каждые сто лет, связанный с манифестом Петра Великого и жертвой ради любви или власти. «Тени забытых садов» — это уютный детектив с элементами мистического реализма, где холодные страницы архивов согреваются искрой чувств. История о том, что даже вековые проклятия бессильны перед силой искренней любви, а прошлое можно исцелить только приняв его. Книга сочетает атмосферу усадебной готики с глубоким психологизмом, показывая, как выбор одного человека способен изменить судьбу целого рода.

© Чувашов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Сергей Чувашов

Тени забытых садов. Уютный детектив

Глава первая: Осенний туман над Тихорецком

Дождь начался ещё на Кольцевой, когда Елена Морозова сидела в такси и смотрела, как серые столбы фонарей расплываются по стеклу, превращаясь в длинные золотые нити. Водитель молчал, радио играло какую-то тихую мелодию — может быть, Чайковский, может быть, что-то современное, она не расслышала. Ей было всё равно. Она думала о том, что осень — самое честное время года. Никакой фальши, никакой пышной зелени, которая прячет увядание за густыми листьями. Осень говорит прямо: да, всё кончается. И в этом есть своя красота. Своя грустная, но настоящая красота.

Такси свернуло с трассы на грунтовку, и машина закачалась, подпрыгивая на кочках. Елена прижалась лбом к холодному стеклу и впервые за несколько часов улыбнулась. Перед ней, сквозь разорванные клочья тумана, проступали очертания кованой решётки — чёрной, покрытой зелёной папиной времени, с замысловатыми завитками, напоминающими переплетение виноградных лоз. Над аркой, почти скрытой плющом, виднелась надпись, высеченная белым камнем: Тихорецкое.

— Всё, барышня, — сказал водитель, сбавляя скорость. — Дальше я не поеду. Дорога тут... ну, вы сами увидите.

Елена открыла дверцу, вытащила из багажника чемоданчик — небольшой, кожаный, потёртый на углах, — и вышла под дождь. Капли были тёплыми, почти приятными, и она на мгновение закрыла глаза, позволяя им коснуться лица. Потом расправила плечи, натянула бежевый плащ потуже и пошла по аллее.

Аллея была усыпана опавшими листьями — жёлтыми, багряными, рыжими. Под ногами они шуршали, мягко пружинили, и каждый шаг казался частью какого-то древнего ритуала. Деревья по обеим сторонам тянулись вверх, образуя живой свод, сквозь который пробивалось тусклое осеннее солнце. Свет падал косыми лучами, освещая отдельные пятна мха, капли дождя на паутинах, одинокие грибы у корней старых дубов. Елена шла и чувствовала, как что-то внутри неё постепенно успокаивается. Как будто земля здесь дышала глубже, тише, чем город. Как будто сама история этого места обнимала её, шептала: ты пришла вовремя.

Дорога привела её к главному дому.

Он стоял на холме, величественный и немного печальный, словно старый аристократ, привыкший к одиночеству. Белый фасад с колоннами, высокий крыльцо с резными перилами, окна с фрамугами — всё это было узнаваемо как дворянская усадьба начала прошлого века. Но что-то в нём было не так. Что-то тонкое, едва уловимое, как запах старого дерева или лёгкий сквозняк из незапертой двери. Елена остановилась у подножия лестницы и посмотрела на дом внимательнее.

На одном из верхних окон занавеска чуть дрогнула. Будто кто-то отступил от стекла. Или подошёл.

Она покачала головой. Не выдумывай, сказала себе. Ты следователь, а не героиня дешёвого романа. Но сердце почему-то забилось быстрее.

Колокольчик над дверью звякнул тихо, почти робко. Елена стояла на крыльце уже минуту, прежде чем дверь открылась.

На пороге появилась женщина лет пятидесяти пяти — высокая, стройная, с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок на затылке. Лицо было правильным, аристократичным, с тонкими чертами и спокойным, почти невозмутимым взглядом серых глаз. Она одета была просто — тёмное платье без украшений, разве что на шее виднелась тонкая цепочка с неболь-

шим кулоном, спрятанным под воротником. Но именно эта простота делала её присутствие особенно весомым. Как будто ей не нужно было ничего доказывать.

— Елена Александровна? — голос женщины был низким, ровным, без тени волнения.

— Да, — Елена кивнула. — Графиня Вероника Александровна?

— Проходите. На улице сыро.

Дверь открылась шире, и Елена шагнула внутрь.

Внутри дом оказался таким же, как снаружи — величественным, но с налётом запущенности. Высокий потолок, лепнина на карнизах, паркет, местами стёртый временем. По стенам — портреты в тяжёлых рамах, все в одинаковых тёмных рамках, все смотрят вниз с лёгким укором. Воздух пах деревом, воском и чем-то ещё — чем-то старым, как книги, которые не открывали десятилетиями.

— Я послала за чаем, — сказала Вероника, снимая со вешалки плащ Елены и аккуратно развешивая его рядом со своим. — Марья Ивановна скоро принесёт. Присядьте.

Они прошли через прихожую в гостиную — большую, светлую, с камином, хотя топить его ещё рано. Окна выходили в сад, и сейчас, благодаря двойным рамам, было слышно лишь далёкое журчание воды — может быть, фонтан, может быть, ручей. Елена сняла ботинки, укутавшись в шаль, которую ей подали, и села на диван. Вероника уселась напротив, сложив руки на коленях.

— Спасибо, что приехали, — начала графиня. — Я знала, что вы согласитесь. Вы ведь... вы всегда помогаете тем, кто не может помочь себе сам.

Елена слегка усмехнулась.

— Это не совсем так. Я помогаю тем, кому нужна помощь следствия. А остальное — совпадения.

— Совпадений не бывает, — спокойно возразила Вероника. — Особенно в таких делах.

Елена посмотрела на неё внимательно. Эта женщина не боялась говорить то, что думала. Не боялась даже тишины между словами.

— Расскажите мне всё, — сказала Елена. — Начните с самого начала. С того дня, когда нашли Николая Петровича.

Вероника кивнула и медленно, размеренно начала рассказывать.

Николай Петрович Кравцов, управляющий имением уже двадцать три года, был найден мёртвым три дня назад. Тело обнаружил садовник Фёдор Иванович — он пришёл в оранжерею утром, как делал это каждое воскресенье, чтобы проверить редкие растения. Управляющий сидел в кресле у окна, голова склонена на грудь, руки лежали на подлокотниках. Лицо было спокойным, почти счастливым. Сердце остановилось — так заключил врач. Отравление. Быстрое, безболезненное.

— Он не заслужил такой смерти, — тихо сказала Вероника. — Николай Петрович был предан этому дому. Он знал каждую тропинку в саду, каждое дерево во дворе. Он... он был частью этой семьи.

Елена слушала, записывая в блокнот ключевые детали. Её рука двигалась легко, уверенно — годы практики сделали это движение автоматическим. Но внутри что-то тревожно ёкнуло. Слишком много совпадений. Слишком удобная смерть для человека, который знал слишком много.

— Кто мог этого хотеть? — спросила она.

Вероника помолчала.

— В доме пять человек, которым Николай Петрович мог помешать. Пять человек, чьей смертью могла пойти на пользу.

— Назовите их.

Первым она назвала сына — Андрея Вероникиного, двадцати восьми лет, человека с красивым лицом и пустыми глазами. Андрей жил в Москве, редко навещался в имение, и

когда приезжал, всегда с деньгами. Долги, сказала Вероника, были огромными. Казино, карты, займы у людей, которых лучше не злить. Николай Петрович отказал ему в последнюю неделю — сказал, что в имении нет свободных средств. Возможно, это стало последней каплей.

Второй — племянница Софья. Девушка двадцати трёх лет, жившая в имении последние два года после смерти родителей. Энергичная, умная, с огненным характером. Хотела открыть в флигеле школу искусств — проект, который Николай Петрович считал «бессмысленной тратой ресурсов». Между ними постоянно возникали споры.

Третий — садовник Фёдор Иванович. Шестидесяти двух лет, молчаливый, замкнутый человек, знавший секреты сада лучше, чем кто-либо другой. Он обнаружил тело, но Елена заметила, что Вероника произнесла его имя с лёгкой паузой. Будто знала что-то, чего не сказала вслух.

Четвёртый — экономка Марья Ивановна. Шестьдесят лет, преданная семье тридцать три года. Елена ожидала увидеть в ней надёжного человека. Но Вероника сказала: «Марья Ивановна знала больше, чем должна была. И иногда она хранила молчание там, где стоило говорить».

И пятый — Дмитрий. Молодой архивариус из Москвы, приехавший две недели назад по поручению министерства культуры. Изучал документы имения перед возможной реставрацией. Елена морщится при одном упоминании его имени.

— Он появился как гриб после дождя, — сказала Вероника. — Никто не знает, откуда он. Нет рекомендаций. Нет истории. Просто приехал, представился и начал работать. Николай Петрович относился к нему с подозрением. В последний вечер они долго разговаривали в кабине. Голоса были громкие. После этого Николая Петровича больше никто не видел живым.

Елена закрыла блокнот.

— Где я могу с ними поговорить?

— Они все в доме, — ответила Вероника. — Андрей вернулся из Москвы вчера вечером. Софья не выходила из своей комнаты с утра. Фёдор Иванович работает в саду. Марья Ивановна на кухне. А Дмитрий... Дмитрий в библиотеке. Он там почти всегда.

— Я начну с него.

Вероника кивнула, но в её глазах мелькнуло что-то — предупреждение? Сожаление? Елена не успела разобрать. Дверь открылась, и вошла пожилая женщина в чёрном платье с белым фартуком. В руках она несла поднос с чайником, чашками и тарелкой пирогов.

— Вот, — сказала она, ставя поднос на стол. — Чай с мятой, пирог с яблоками. Свежий.

— Спасибо, Марья Ивановна, — сказала Вероника.

Экономка кивнула Елене, и в этот момент Елена впервые увидела её лицо полностью. Оно было добрым, уставшим, с глубокими морщинами вокруг глаз и рта. Но в этих глазах что-то было не так. Что-то напряжённое, настороженное. Будто она ждала этого момента — встречи с Еленой — и готовилась к нему неделями.

— Следователь Морозова, — представилась Елена.

— Знакома, — ответила Марья Ивановна кратко. — Буду рада помочь. Чем могу.

Её голос был ровным, но Елена заметила, как дрожит правая рука — та, что держала сахарницу. Лёгкая, едва заметная вибрация. Страх? Или вина?

После чая Вероника проводила Елену в гостевую комнату. Она была уютной — большая кровать с балдахином, письменный стол, окно с видом на сад. На столе стояла ваза с осенними цветами — хризантемами, астрами, ветками калины. Елена поставила чемоданчик на стул и подошла к окну.

Сад раскинулся внизу, огромный, запущенный, прекрасный. Осенние краски смешивались в невероятную палитру: золото листвы, багряник клёнов, глубокий бордо роз, бледно-зелёный мха на старых стенах. Лабиринт из живых изгородей терялся вдали, а дальше видне-

лись руины старой беседки, заросшие плющом. И везде — туман. Лёгкий, серебристый, ползущий по земле, как сон.

Елена стояла у окна и чувствовала, как что-то внутри неё меняется. Медленно, незаметно, но необратимо. Будто этот сад начинал жить в ней — как дыхание, как пульс, как память.

Дверь открылась.

— Вы можете идти, — сказала Вероника. — Дмитрий в библиотеке. Второй этаж, направо, через коридор. Не стучите — он любит, когда работают в тишине.

— Спасибо, — сказала Елена. — Графиня... если понадобится что-то ещё...

— Я позвоню, — перебила Вероника. И добавила тише: — Берегите себя, Елена Александровна. Здесь не всё так просто, как кажется.

Елена кивнула и вышла из комнаты.

Коридор на втором этаже был длинным, узким, с высокими потолками и паркетом, отполированным до блеска. Портреты по стенам смотрели на неё с каким-то особенным выражением — не осуждающим, а скорее... ожидающим. Будто они знали, что она придёт. Будто ждали.

Библиотека находилась в конце коридора, за массивной дубовой дверью с резьбой. Елена постучала дважды — тихо, почти неуверенно — и вошла.

Комната была огромной. Потолок — выше трёх метров, стены — от пола до потолка, заставленные книжными шкафами. В центре — длинный стол, заваленный бумагами, папками, раскрытыми томами. И за этим столом сидел молодой человек.

Он был не старше тридцати — возможно, чуть моложе. Тёмные волосы, слегка растрёпанные, как будто он часто проводил руками по голове, задумавшись. Карие глаза, внимательные, сосредоточенные. Лицо — не классически красивое, но запоминающееся: прямой нос, тонкие губы, лёгкая тень щетины на скулах. Он одет был просто — белая рубашка, закатанная до локтей, тёмные брюки, без пиджака. Руки — длинные, изящные, с коротко остриженными ногтями — листали какой-то старый документ.

Он не поднял головы, когда вошла Елена. Продолжал читать.

— Здравствуйте, — сказала она.

Он замер. Медленно, очень медленно, поднял взгляд.

И в этот момент Елена почувствовала что-то странное. Будто воздух между ними изменился. Стал плотнее, теплее, заряженным чем-то невидимым. Она отвела глаза первой.

— Следователь Морозова, — представилась она, подходя к столу.

— Дмитрий Сергеевич Волков, — ответил он. Его голос был низким, спокойным, с лёгким акцентом — не московским, не петербургским. Может быть, южным. Или западным. Елена не могла определить.

— Вы архивариус?

— Да. Приехал из Москвы две недели назад. Министерство культуры поручило изучить документы имения перед реставрацией.

— И вы изучаете?

— Старался. — Он отложил документ и наконец поднялся со стула. Встал рядом со столом, не приближаясь к ней слишком близко, но и не отступая. Расстояние между ними было примерно метр — достаточно далеко для формального общения, достаточно близко для... чего-то ещё.

Елена заметила, что его руки слегка дрожат. Та же вибрация, что у Марьи Ивановны. Только у него — другая причина. Не страх. Волнение.

— Могу я задать вам несколько вопросов? — спросила она.

— Конечно.

— Когда вы видели Николая Петровича в последний раз?

— Три дня назад. Вечером. Около семи.

— Где?

— В кабинете. Мы говорили о моих планах — о том, какие документы можно передать в музей, а какие стоит сохранить в имении. Николай Петрович был... недоволен. Он считал, что некоторые бумаги слишком ценны для внешнего мира.

— Что именно вызвало его недовольство?

Дмитрий помолчал.

— Конкретный документ. Старый, начало восемнадцатого века. Он говорил о каком-то «правом на часть имения», о «документе, хранящемся в лабиринте». Я не понял тогда. Но потом...

— Потом что?

— Потом я нашёл упоминание об этом в других источниках. В семейных хрониках Столыпиных. Документ существует. И он важен.

Елена нахмурилась.

— Важнее жизни человека?

Дмитрий посмотрел на неё — прямо, открыто, без тени страха или вины.

— Иногда да.

Между ними повисла тишина. Тяжёлая, насыщенная. Елена чувствовала его взгляд на своём лице, на своих руках, на всем теле — не оценивающий, не требующий, а... интересующийся. Настоящий, глубокий интерес. Ей стало тепло. Не физически — внутренне. Будто кто-то зажг маленькую свечу в самой глубине её груди.

— Вы знали Николая Петровича хорошо? — спросила она, чтобы заполнить тишину.

— Не особенно. Мы общались вежливо, профессионально. Но я заметил одну вещь.

— Какую?

— Он боялся. Не меня — не кого-то конкретного. Он боялся чего-то большего. Чего-то, что приближалось. Как будто знал: конец неизбежен. И не мог с ним справиться.

Елена провела пальцем по краю стола. Дерево было тёплым, гладким, отполированным поколениями рук.

— Почему вы приехали именно сюда, Дмитрий Сергеевич? Работа — не единственная причина, верно?

Он удивлённо поднял бровь.

— Откуда вы знаете?

— Я следователь. Вижу людей. И я вижу, что вы приехали не только ради документов.

Дмитрий молчал долго. Потом тихо сказал:

— Вы правы. Я приехал... потому что мне сказали, что здесь можно найти ответы.

— На какие вопросы?

Он покачал головой.

— Пока не знаю. Но чувствовал — они здесь. В этом доме. В этом саду.

Елена снова почувствовала эту странную связь — невидимую нить, протянувшуюся между ними. Она хотела оторваться, отступить, вернуться к формальному допросу. Но ноги не слушались. Глаза не отрывались.

— Мне нужно осмотреть оранжерею, — сказала она наконец.

— Я пойду с вами, — предложил Дмитрий.

— Не обязательно.

— Обязательно. — Его голос был твёрдым, но мягким. — Там холодно. И... не всё так безопасно, как кажется.

Она посмотрела на него — действительно посмотрела, а не скользнула взглядом. И увидела не просто коллегу, не просто подозреваемого. Увидела человека. С его страхами, его надеждами, его тайнами. И поняла, что этот человек — не враг.

— Хорошо, — сказала она. — Пойдёмте.

Они вышли из библиотеки вместе. Коридор снова казался длиннее, тише. Портреты на стенах наблюдали за ними, но теперь это наблюдение не пугало — а защищало. Будто предки Столыпиных благословили этот союз — следователя и архивариуса, мужчину и женщину, которые ещё не знали, но уже чувствовали: их пути пересеклись не случайно.

На лестнице их руки случайно соприкоснулись.

Елена замерла на полсекунды. Его пальцы коснулись её ладони — лёгкие, тёплые, почти невесомые. Но этого касания хватило, чтобы весь мир сместился. Чтобы дыхание стало другим. Чтобы сердце забилося в ритме, которого оно раньше не знало.

Дмитрий тоже замер. Его взгляд встретился с её — и в этих карих глазах Елена увидела то же самое: удивление, желание, страх. И что-то ещё — что-то глубже, сильнее, чем любое из этих чувств.

Что-то, что можно назвать только судьбой.

Они отняли руки одновременно. Очень медленно. Очень осторожно.

— Извините, — сказал Дмитрий.

— Не за что, — ответила Елена. И оба знали, что это ложь.

Они пошли вниз, через холл, через прихожую — и вышли на улицу.

Осень встречала их своим последним дыханием. Туман стелился по траве, листья кружились в медленном танце, небо было серым, низким, готовым вот-вот заплакать дождём. Елена вдохнула полной грудью — воздух был холодным, чистым, наполненным запахом мокрой земли и увядших цветов.

Оранжерея стояла в дальнем углу сада, окружённая старыми деревьями. Здание было большим, стеклянным, с металлическим каркасом, покрытым ржавчиной и плющом. Стекла — многие — были заколочены или забраны сеткой. Но вход — главная дверь — выглядел нетронутым.

Елена толкнула дверь. Она открылась с тихим скрипом, и они вошли внутрь.

Внутри оранжереи было темно и влажно. Воздух пах землёй, гниющими листьями и чем-то ещё — чем-то сладковатым, почти цветочным. Елена достала фонарик из сумки и включила. Луч света вырезал из темноты ряды высоких растений — засохшие пальмы, увядшие орхидеи, заросли плюща, заполонившие всё пространство.

И в центре, в кресле у окна — место, которое она уже видела на фотографиях — Елена остановилась.

Кресло было старым, кожаным, с высокими подлокотниками. На подлокотниках — следы пальцев. Недавние. Кто-то сидел здесь, держа что-то в руках. Что-то маленькое, круглое.

Елена наклонилась и подобрала с пола предмет.

Это была монета. Старая, серебряная, покрытая патиной. На одной стороне — профиль императора. На другой — дата: 1725.

— Екатерина, — прошептала Елена. — Манифест Екатерины.

Дмитрий подошёл ближе. Его плечо коснулось её — лёгкое, случайное, но Елена почувствовала жар.

— Что это значит? — спросил он.

— Значит, — ответила Елена, сжимая монету в руке, — что мы только начали.

За окном начался дождь. Тихий, равномерный, обволакивающий. И в этом звуке, в этом свете фонарика, в этом прикосновении — Елена впервые за долгое время почувствовала себя живой.

По-настоящему, глубоко, без остатка.

Живой.

Ночь в Тихорецком была тихой и глубокой. Елена лежала в большой кровати с балдахином, глядя на тёмный потолок, где лепнина рисовала сложные узоры, всё переплетено в еди-

ный орнамент, напоминающий тот самый лабиринт в саду. Монета лежала на тумбочке рядом, отражая лунный свет слабым серебристым сиянием.

Она не могла уснуть.

Мысли крутились, как листья в осеннем вихре: монета, манифест, документ в лабиринте, пять подозреваемых, каждый из которых скрывал что-то важное. И Дмитрий. Всегда Дмитрий. Его взгляд, его голос, его прикосновение — всё это не отпускало.

Елена повернулась на бок, прижав подушку к груди. Ей было двадцать девять лет, и за свою короткую, но насыщенную карьеру она видела многое. Убийства, предательства, ложь. Но никогда — ничего подобного этому месту. Здесь всё было иначе. Глубже. Старше. Будто сам воздух был пропитан историей, памятью, чувствами тех, кто жил здесь до неё.

И кто-то из них — сейчас. Прямо сейчас. Кто-то ходит по коридорам, заглядывает в окна, наблюдает.

Она встала, накинула халат и подошла к окну.

Сад был погружён в темноту, но луна пробивалась сквозь облака, освещая отдельные участки. Лабиринт из живых изгородей виднелся чётко — тёмные линии на фоне серебристой травы. И в самом центре лабиринта, на небольшой поляне, Елена увидела свет.

Маленький, мерцающий, почти невидимый. Но он был там.

Кто-то был в лабиринте. Посреди ночи.

Елена схватила фонарик и вышла из комнаты.

Коридор был пуст. Все двери закрыты, все светильники погашены. Дом спал — или притворялся. Елена спустилась по лестнице, прошла через холл и вышла на заднюю террасу. Оттуда путь в сад был ближе — через французские окна гостиной.

Ночь была холодной. Дождь прекратился, но земля была мокрой, и каждая капля, падающая с листьев, звучала как удар барабана. Елена шла быстро, не разбирая дороги, направляясь к лабиринту. Фонарик вырезал узкий луч в темноте, освещая мох, корни, камни дорожки.

И вдруг — звук. Шаги. За ней.

Елена остановилась. Сердце колотилось так сильно, что она слышала его в ушах. Она обернулась. Никого.

Но шаги продолжились. Ближе. Быстрее. Она побежала.

Лабиринт был запущен — изгороди высокие, густые, с прорехами, через которые можно было проскользнуть. Елена ныряла внутрь, ориентируясь по свету фонарика и интуиции. Повороты, развилки, тупики — всё сливалось в одно большое, тёмное, пугающее пространство.

И вдруг — перед ней открылась поляна.

В центре стоял человек. Спина к ней, в тёмном плаще, с чем-то в руке. Свет фонарика упал на него — и Елена увидела лицо.

Фёдор Иванович. Садовник.

Он стоял неподвижно, глядя на землю. А на земле — что-то светилось. Маленький огонёк, мерцающий, как звезда.

— Фёдор Иванович? — позвала Елена.

Он вздрогнул. Обернулся. Его лицо было бледным, испуганным, но не виноватым. Скорее... одержимым.

— Не подходите, — сказал он глухим голосом. — Это не для вас.

— Для кого тогда?

— Для тех, кто готов заплатить цену.

Елена сделала шаг вперёд.

— Какая цена?

Фёдор покачал головой.

— Вы не понимаете. Этот документ... он не просто бумага. Он — ключ. К тому, что спрятано здесь. В земле. В камнях. В крови.

— В чьей крови?

Садовник молчал. Потом тихо, почти шёпотом, сказал:

— В нашей.

И в этот момент свет фонарика погас.

Темнота накрыла её мгновенно, плотно, как вода. Елена замерла, пытаясь сориентироваться. Руки нащупали что-то твёрдое — камень, корень, стену изгороди. Она попыталась сделать шаг, но что-то ударило её в плечо — резко, больно, и она упала.

Земля была холодной и мокрой. Елена лежала, не в силах пошевелиться. Боль в плече была острой, пульсирующей. И рядом — шаги. Быстрые, тяжёлые, приближающиеся.

Она хотела кричать, но голос не слушался. Хотела двигаться, но тело не реагировало. И в этой полной, абсолютной темноте она услышала один единственный звук — тихий, знакомый, невозможный.

Шум ветра в листве. И голос. Мужской. Тихий, спокойный, полный боли.

«Елена...».

Это был голос Дмитрия.

И он звал её. Прямо из темноты. Прямо из сердца этого проклятого сада.

Она закрыла глаза. И позволила себе исчезнуть.

Когда Елена открыла глаза, она лежала на мягкой поверхности. Постель. Балдахин. Комната. Она была дома. В своей комнате.

Рядом, на стуле, сидел Дмитрий. Голова склонена на грудь, руки сложены на коленях. Он спал. Или притворялся.

Елена попыталась сесть. Голова закружилась, плечо вспыхнуло болью — но терпимой.

— Ты... — начала она, но голос сорвался.

Дмитрий мгновенно поднял голову. Его глаза были красными, уставшими, но живыми. Горячими.

— Ты проснулась, — сказал он. И в этом «проснулась» было столько всего — облегчения, радости, страха, любви — что Елена почувствовала, как слёзы подступают к горлу.

— Что случилось? Где я?

— В своей комнате. Тебя нашёл Фёдор. Он принёс тебя сам.

Елена недоумевающе посмотрела на него.

— Фёдор? Садовник? Он... спас меня?

— Он пытался. — Дмитрий встал, подошёл к кровати и сел на край. Его рука коснулась её плеча — осторожно, бережно, проверяя, не причинит ли боль. Елена закрыла глаза от этого прикосновения. Оно было теплым, настоящим, полным заботы. — Но он не один был там. Был ещё кто-то. Человек в маске. Он пытался унести тебя. Фёдор помешал.

— Маску? Зачем?

Дмитрий помолчал.

— Елена, я думаю, что ты стала опасна для них. Для тех, кто хочет документ любой ценой. Ты нашла монету. Ты знаешь про манифест. Они не могут позволить тебе копнуть глубже.

Елена открыла глаза и посмотрела на него.

— А ты? Ты кто? Друг? Враг?

Он улыбнулся — грустно, искренне, без защиты.

— Я тот, кто не может перестать думать о тебе. Даже когда должен.

И в этот момент, в полумраке комнаты, при свете луны, проникающем сквозь окно, Елена поняла: всё изменилось. Безвозвратно. Навсегда.

Она протянула руку. Его рука встретила её — и их пальцы сплелись, как ветви в том самом лабиринте. Туго, неразрывно, естественно.

— Расскажи мне всё, — прошептала она.

— Расскажу, — пообещал он. — Но сначала... позволь мне остаться. Хотя бы на ночь.

Она кивнула. И он остался.

За окном ветер усилился, раскачивая деревья. Листья шумели, шептали, вспоминали. В саду, в лабиринте, свет мерцания угас. Но документ ждал. Тайна — раскрываться. А любовь — только начинаться.

И Елена знала: сколько бы ни пришлось пройти, сколько бы ни пришлось потерять — она не отступит. Потому что справедливость и любовь — это одно и то же. Два имени одного чувства. И она готова платить любую цену. Любую.

Глава вторая: Утренний свет и утренние тени

Свет проникал в комнату медленно, осторожно, словно боялся потревожить сон. Сначала — тонкая золотая полоса на паркетном полу у изножья кровати. Потом — ещё одна, шире, мягче, ложась на балдахин перламутровым отблеском. Елена лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к тишине. Дом дышал ровно, размеренно, как живой организм. Где-то вдали пела птица — не городская ворона, а настоящая, лесная, с чистым, звонким голосом. Она чувствовала тепло рядом — Дмитрий спал на стуле, склонившись вперёд, голова чуть запрокинута, руки всё ещё сжаты в лёгкий кулак, будто даже во сне он был готов схватиться за неё.

Елена повернула голову на подушке и посмотрела на него.

Он был красивее, чем вчера. Без профессиональной маски следователя, без напряжения между бровей, без той осторожной дистанции, которую он выдерживал в библиотеке. Сейчас он казался молодым — по-детски молодым, уязвимым, настоящим. Тёмные волосы упали на лоб, губы были слегка приоткрыты, дыхание — ровным, глубоким. На щеке виднелась тень щетины, которая делала его лицо более мужественным, более... близким.

Она протянула руку. Медленно, чтобы не разбудить. Пальцы коснулись его волос — мягких, тёплых, пахнувших старой бумагой и чем-то древесным, как кедр. Дмитрий вздохнул, морщину, но не проснулся. Елена провела пальцем по его виску, потом по скуле, останавливаясь там, где кожа была гладкой, почти бархатной. Его веки дрогнули. Губы шевельнулись — слово, которое она не расслышала. Может быть, «Елена». Может быть, что-то другое.

— Я здесь, — прошептала она.

Глаза открылись мгновенно. Карие, глубокие, полные удивления и чего-то ещё — чего-то, что она уже научилась распознавать. Любви. Не громкой, не театральной, а тихой, уверенной, как корни дерева, пробивающие камень.

— Ты плакала, — сказал он тихо.

Она провела пальцем по собственному лицу. Действительно — мокрые щёки. Но слёзы были не от горя. От чего-то большего.

— Не помню, когда в последний раз... — начала она, но оборвала. Зачем объяснять то, что невозможно объяснить словами?

Дмитрий поднялся со стула. Движения были плавными, бесшумными, как у кошки. Он подошёл к кровати, наклонился и коснулся её лба губами — легко, почти невесомо. Поцелуй был таким же, как всё остальное в нём — тихим, искренним, полным терпения.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал он, отстраняясь. — Плечо болит?

— Да. Но терпимо.

— Я схожу за Марьей Ивановной. У неё есть мазь. Старое семейное средство. Помогает быстрее, чем аптечное.

Елена кивнула, но он уже направился к двери.

— Дмитрий!

Он обернулся.

— Не уходи далеко. Пожалуйста.

Уголок его губ дрогнул — едва заметная улыбка, но она осветила всё его лицо.

— Я буду в коридоре. Если понадобится — кричи. Или зови. Как хочешь.

Дверь закрылась тихо, без щелчка замка. Елена осталась одна — но не одинокой. Тепло его прикосновения жило в ней, как маленькое солнце, согревающее грудь изнутри.

Она села на кровати, оглядывая комнату. Всё было на месте: чемоданчик на стуле, фонарик на тумбочке рядом с монетой, блокнот с записями — открытый, с последней строчкой, которую она писала перед тем, как уйти ночью: «Лабиринт. Свет в центре. Кто-то ждёт.»

Кто ждал? Фёдор? Маска? Или кто-то другой — тот, чей голос прозвучал в темноте?

Елена взяла монету в руку. Серебро было холодным, тяжёлым, с неровностями на поверхности — следами времени, рук, тайн. Профиль императора смотрел вверх, будто указывая на что-то скрытое. Дата 1725 — год смерти Петра Великого, год восшествия Екатерины I. Манифест. Документ, о котором говорил Николай Петрович. Ключ к чему? К земле? К камням? К крови?

Она положила монету обратно и спустила ноги на пол. Пол был тёплым, деревянным, отполированным поколениями ног. Елена встала медленно, опираясь на спинку кровати. Боль в плече пульсировала, но не была невыносимой. Она надела халат, завязала пояс и вышла в коридор.

Тишина была абсолютной. Только где-то на кухне слышалось тихое позвякивание посуды — Марья Ивановна готовила завтрак. Елена прошла по коридору, ступая босиком, чувствуя под пальцами шероховатость ковра, уложенного поверх паркета. Двери комнат были закрыты — все, кроме одной. Двери Дмитрия. Она остановилась перед ней, положив руку на ручку. Дергать не стала. Просто стояла, слушая своё дыхание, слушая тишину, слушая что-то ещё — тонкую нить, связывающую её с этим местом, с этими людьми, с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.